

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹

Н.Н. Серегин

Представлены результаты изучения специфики детской погребальной обрядности, получившей распространение у раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий. Определены общие и особенные характеристики захоронений умерших данной возрастной группы, выявлена социальная дифференциация по археологическим материалам. Выводы, полученные в ходе изучения погребальных комплексов, дополнены сведениями письменных источников.

Раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, детские захоронения, погребальный обряд, социальный анализ, письменные источники.

Введение

Значительные возможности для реконструкции различных аспектов культуры древних и средневековых обществ дает анализ материалов раскопок детских погребений. Такие объекты не только отражают статус представителей данной возрастной группы в конкретном социуме, но и нередко демонстрируют специфику мировоззрения, общественной организации, а также некоторые элементы демографической структуры населения, оставившего памятник. К примеру, отмечено, что распространение «богатых» детских захоронений является одним из свидетельств иерархического характера социума. Большой интерес для реконструкции отдельных аспектов мировоззрения и обрядовой практики представляют известные для многих древних и средневековых культур захоронения на территории поселений, традиция создания отдельных кладбищ для детей, ритуальные погребения младенцев в фундаменте крепостей, отдаленные скальные объекты и др. Очевидно, что необходимо специальное изучение таких памятников с привлечением всех имеющихся источников и материалов. В настоящей статье приведены основные результаты анализа и интерпретации детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона.

В отечественной археологии долгое время отсутствовал устойчивый интерес к исследованию специфики детских погребений и реконструкции различных аспектов положения представителей данной возрастной группы в обществе. Вместе с тем имелись работы, в которых изучались отличительные характеристики подобных объектов [Молодин, 1984; Троицкая, 1989; и др.], Гораздо более последовательный интерес к обозначенным вопросам наблюдается в западной историографии [Берсенева, 2010, с. 108–109]. Во второй половине 1990-х — 2000-х гг. отчетливо отмечается положительная динамика в этом отношении и в работах отечественных специалистов. В эти годы вышла целая серия публикаций, посвященных проблемам интерпретации детских погребений и различным вопросам социально-демографических и мировоззренческих реконструкций на основе анализа материалов раскопок таких объектов [Полищук, 1999; Боброва, Торощина, 2001; Матренин, 2004; Ражев, Епимахов, 2004; Ковалевский, 2009; Мишина, 2010; Стоянова, 2012; и мн. др.]. Эти и другие многочисленные работы, весьма ценные как с точки зрения объективной реконструкции истории конкретных обществ, так и в плане усовершенствования методики подобных исследований, позволяют рассчитывать на дальнейшее повышение уровня осмысления вопросов в указанной области.

Степень изученности особенностей детской погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона в целом соответствует обозначенным выше тенденциям. Долгое время такие объекты не являлись предметом специального исследования. Некоторые характеристики половозрастной дифференциации по материалам памятников рассматриваемой территории второй половины I тыс. н.э. отметила Г.В. Длужневская [1976]. По мнению исследо-

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири, мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2013.312.2.51).

вателя, детские захоронения от могил взрослых людей отличает, в частности, наличие одного стержня вместо двух [Длужневская, 1976, с. 194, 196].

Отдельные замечания о специфике детских погребений раннесредневековых тюрок встречаются в публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов полевых исследований. А.Д. Грач [1960, с. 71], подводя итоги рассмотрению материалов комплекса Мойгун-Тайга, отметил, что зафиксированная на данном памятнике традиция сопроводительного захоронения овцы связана с символической «заменой» лошади. В последующие годы к этой точке зрения присоединились другие археологи [Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 65; Худяков, 2004, с. 48; и др.], объясняя «замену» лошади на овцу в погребениях детей и подростков именно возрастом умерших, которые не являлись полноправными членами социума. Г.В. Кубарев [2005, с. 22] обратил внимание на малое количество детских погребений раннесредневековых тюрок и подчеркнул высокую степень вариативности и неустойчивости норм обрядности для таких объектов. В особую группу памятников исследователь выделил детские скальные захоронения, отметив распространение традиции сооружения подобных объектов в рассматриваемом регионе в этнографическое время.

Общая характеристика детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона была представлена в одной из публикаций автора настоящей статьи [Серегин, 2011]. Последующая разработка данной тематики позволила существенно расширить и скорректировать имеющиеся наблюдения.

Источники и материалы

Нет сомнений, что фрагментарность разработок по различным аспектам исследования детских погребений раннесредневековых тюрок в значительной степени связана с ограниченностью источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователей. Анализ материалов раскопок погребальных комплексов на территории Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий позволил выделить менее 40 разного рода объектов, связанных с захоронением представителей рассматриваемой возрастной группы. Значительная часть детских погребений исследована в Минусинской котловине, остальные памятники обнаружены на территории Алтая и Тувы.

Обращает на себя внимание немногочисленность рассматриваемых памятников, составляющих всего около 12 % от общего количества известных погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (более 350). При этом данная ситуация не уникальна. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья [Берсенева, 2010, с. 108]. Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности [Балабанова, 2009, с. 83–84]. Однако, судя по имеющимся данным, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности населения тюркской культуры, более подробно представленная ниже. Несмотря на обозначенные обстоятельства, известным образом ограничивающие возможности исследования, накопленные материалы позволяют не только представить общую характеристику детских захоронений, но также дают возможность для рассмотрения семантики объектов и определения направлений их дальнейшего изучения.

Анализ археологических материалов

Исследование основных характеристик погребальных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона продемонстрировало возможность выделения нескольких групп детских захоронений.

Первая группа, наиболее многочисленная (20 погребений), представлена объектами, создание которых предполагало сооружение отдельной курганной насыпи, под которой находилась одна могильная яма (рис.). Специфика погребального ритуала позволяет обозначить в рамках первой группы три варианта реализации данного компонента обрядовой практики:

1) детские захоронения в сопровождении лошади (4 объекта): Аргалыкты VIII (курган № 2), Кара-Тал IV (курган № 4), Даттыг-Чарыг-Аксы (курган № 2), Джолин-III (курган № 2) [Трифонов, 1967, 1968, 1975; Кубарев, 2005];

2) детские захоронения в сопровождении овцы (11 объектов): Монгун-Тайга-57-XXXVI, Кырлык II (курганы № 2, 4), Перевозинский чаатас (курганы № 79, 94), Тепсей III (курганы № 15, 19,

Детские погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона...

32, 50), Капчалы II (курганы № 10, 17) [Левашова, 1952; Грач, 1960; Грязнов, Худяков, 1979; Бородаев, Мамадаков, 1985; Худяков, 2004];

3) «одиночные» детские погребения — без сопроводительного захоронения животного (5 объектов): Кара-Тал III (курган № 4), Аймырлыг XX (курган № 14), Катанда III (курган № 7), Белый Яр II (курган № 5), Усть-Чоба I (курган № 3) [Трифонов, 1968; Мамадаков, Горбунов, 1997; Поселянин и др., 1999; Соловьев, 1999; Овчинникова, 2004].

Ко **второй группе** отнесены детские погребения раннесредневековых тюрков, отличительной характеристикой которых является расположение рассматриваемых объектов под одной курганной насыпью с другими захоронениями. При этом в ряде случаев отмечено присутствие специальной надмогильной конструкции в виде небольшой кольцевой выкладки, перекрытия и др. Погребения данной группы (11 объектов) исследованы только на некрополях Минусинской котловины: Белый Яр II [Поселянин и др., 1999], Тепсей III [Грязнов, Худяков, 1979]. К данной группе также следует отнести детское впускное погребение, исследованное при раскопках кургана № 3 могильника Кирбинский Лог [Савинов и др., 1988], под насыпью которого находились и другие захоронения.

Третья группа включает погребения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком. Такие объекты раскопаны на некрополях Алтая, Тувы и Минусинской котловины: Белый Яр II (курган № 7, мог. 4, захор. 1); Бийке IV (курган № 1), Кара-Коба I (курган № 47), Кудыргэ (курган № 4), Улуг-Хову (курган № 54) [Гаврилова, 1965; Кызласов, 1979; Могильников, 1990; Поселянин и др., 1999; Семибратов, Матренин, 2008]. Материалы раскопок обозначенных объектов показывают, что чаще всего ребенок был просто положен рядом со взрослым человеком. При этом в двух случаях останки детей помещены в специальный берестяной туесок. Интересно, что рассматриваемые захоронения зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях.

К **четвертой группе** отнесены немногочисленные скальные захоронения: Юстыд [Кубарев, 2005], Каменный Лог [Соенов и др., 2002]. **Пятая группа**, выделенная на основании материалов только одного памятника, включает детские погребения, совершенные в межкурганном пространстве. Такие объекты зафиксированы в ходе раскопок на комплексе Урочище Балчиова III [Шульга, Горбунов, 2002].

По имеющимся материалам тюркской культуры представляется возможным определить стандарт погребального обряда детей, характерный для значительного количества рассмотренных объектов. Он предполагал: 1) возведение наземной конструкции в виде небольшой курганной насыпи; 2) захоронение в неглубокой могильной яме; 3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, в ряде случаев «замененной» на овцу; 4) ограниченный набор сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Такие характеристики погребального обряда в разном сочетании зафиксированы при исследовании большинства объектов рассматриваемой серии. Имеющиеся отклонения, отмеченные в ходе раскопок остальных памятников, демонстрируют вариабельность обрядовой практики раннесредневековых кочевников.

Представленный стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, присущими взрослому населению общества раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Так, не наблюдается существенных расхождений в характеристиках наземных и внутримогильных сооружений. Погребальные конструкции детских захоронений даже выделяются своим разнообразием: каменный ящик, колода, каменная, грунтовая или деревянная перегородка, подбой, приступка, берестяной туесок и др. Вместе с тем достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Относительным показателем детских погребений являются уменьшенные по сравнению с захоронениями взрослых людей параметры наземных и внутримогильных сооружений. Кроме того, возрастная дифференциация общества тюркской культуры получила отражение в таких элементах ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Лошадь присутствовала только в четырех детских погребениях, в то время как в могилах взрослых наличие животного — стандартный показатель. Более чем в половине детских погребений животное отсутствовало. В 11 случаях зафиксирована символическая «замена» лошади на овцу. Подобный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Минусинской котловины.

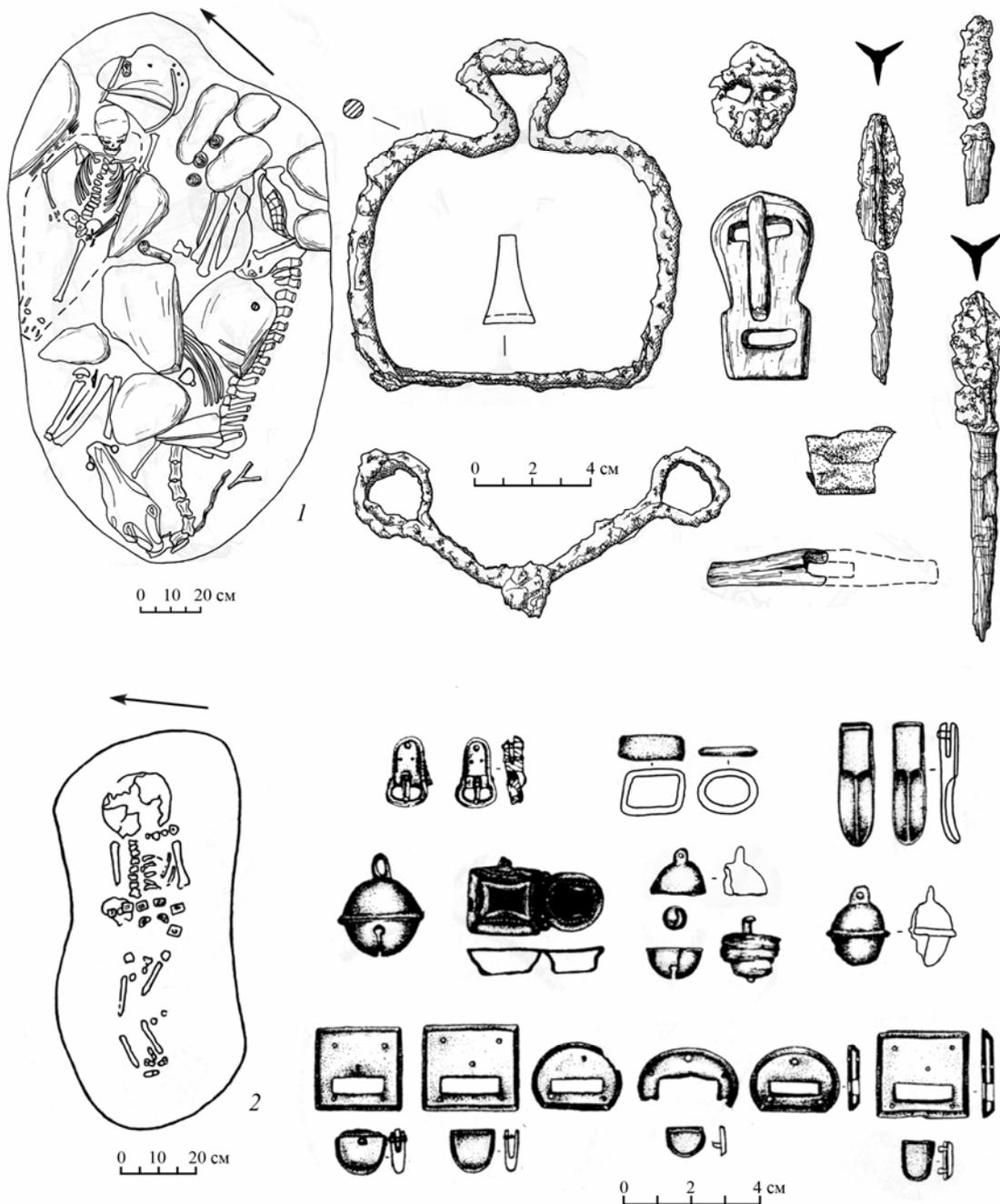

Рис. Детские погребения раннесредневековых тюрков:
 1 — Джолин III, курган 2 (по: [Кубарев, 2005, табл. 67–68]);
 2 — Катанда-3, курган № 7 (по: [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI])

Наиболее существенным признаком, отличающим детские погребения раннесредневековых тюрков, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Основная характеристика захоронений представителей данной возрастной группы — редкость или отсутствие большинства категорий предметного комплекса, распространенных в могилах взрослого населения. Чаще всего в погребениях детей находят ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений какие-либо вещи отсутствовали.

Детские погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона...

Своеобразными вариантами оформления детских погребений раннесредневековых тюрков являются захоронения в межкурганном пространстве, а также скальные объекты. Фиксация таких комплексов и немногочисленность «стандартных» памятников, связанных с представителями рассматриваемой возрастной группы, дают основания для утверждения о том, что захоронение далеко не всех умерших детей предполагало реализацию всех традиционных норм обрядовой практики. Не исключено, что определенная часть детских погребений еще не известна в связи с несовершенством методики раскопок (неполнотой исследования межкурганного пространства), а также очевидной сложностью обнаружения скальных объектов. Следует признать, что предположение о связи незначительного количества детских захоронений раннесредневековых тюрков с тем, что далеко не для всех умерших сооружался «стандартный» погребальный комплекс, является лишь гипотезой, требующей подтверждения в ходе дальнейших археологических исследований.

Итак, материалы раскопок детских погребений раннесредневековых тюрков, несмотря на их немногочисленность, демонстрируют определенный уровень варибельности признаков, обусловленных, судя по всему, как возрастными и индивидуальными особенностями, так и заметной социальной дифференциацией внутри данной группы.

Социальная дифференциация в материалах детских погребений

Известно, что материалы детских захоронений отражают социальную дифференциацию общества весьма опосредованно [Алексин, 1981, с. 6]. Данное наблюдение нашло подтверждение и в ходе социальной интерпретации памятников тюркской культуры Алтае-Саянского нагорья и Центральной Азии. Корреляция качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря позволяет выделить всего три социально-типологические группы детских погребений тюркской культуры². К **первой группе**, включающей 3 (9,67 %) детские могилы, отнесены погребения, в состав сопроводительного инвентаря которых включены предметы тюркской культуры из бронзы — наборный пояс, украшения конской амуниции, металлическое зеркало, а также дополнительные аксессуары костюма (рис.). Объекты, объединенные в рамках **второй группы** (6 — 19,35 %) погребений, характеризуются фрагментарным присутствием предметов сопроводительного инвентаря, свойственных погребениям взрослых. В трех детских могилах встречены наконечники стрел, трижды отмечены предметы тюркской культуры из бронзы (серьги, медальон). В большинстве погребений зафиксирован нож. В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Во всех остальных захоронениях животное отсутствовало. Для погребений **третьей группы**, включающей 22 (70,96 %) могилы, характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие.

Степень дифференциации детских погребений тюркской культуры значительно ниже той, что зафиксирована при изучении захоронений взрослых членов общества. В то же время выделяются объекты, содержащие исключительный для лиц рассматриваемого возраста инвентарь, включавший «престижные» вещи. Вероятно, погребения, объединенные в рамках группы I, принадлежали членам богатых семей. К сожалению, редкость определений возраста умерших исключает возможность обозначения градации погребений в этом отношении, а также рассмотрения дополнительных аспектов, связанных, к примеру, с определением возраста инициации и получения статуса взрослого члена общества. Вместе с тем имеющиеся данные позволяют утверждать, что насыщенность могил сопроводительным инвентарем зависела в первую очередь не от возраста умерших детей, а от их социального положения. Отметим, что существуют и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях: последующая передача вещи ее истинному владельцу (взрослому человеку) в загробном мире [Нестеров, 1999, с. 97], необходимость защиты ребенка от злых сил [Троицкая, 1989, с. 66–67] и др.

Весьма показательным, что изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию среди детских погребений. Обнаружение в отдельных могилах наконечников стрел, наборного пояса и тесла («мужские» предметы), а также металлического зеркала, пряслица, серег и других украшений, характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в четырех детских захоронениях.

² При рассмотрении социальной дифференциации учитывались материалы 31 погребения со всеми необходимыми для полноценного анализа показателями.

Заключение

Изучение результатов раскопок раннесредневековых комплексов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволяет выдвинуть предположение о том, что в ряде случаев захоронение детей не предполагало создания традиционного погребального сооружения. Это объясняет немногочисленность детских захоронений и позволяет надеяться на получение в дальнейшем новых материалов. Анализ имеющихся комплексов продемонстрировал высокую степень варибельности элементов обрядовой практики, имеющих как общие, так и отличительные черты по сравнению с захоронениями взрослых членов социума раннесредневековых тюрок.

Несмотря на ограниченные возможности привлечения материалов раскопок детских погребений при социальных реконструкциях, анализируемая серия показала наличие достаточно четкой дифференциации. Отдельные погребения демонстрируют показатели, отражающие попытку обозначения принадлежности умершего ребенка к гендерной группе взрослых.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Вместе с тем заметно выделение погребений подростков (от 14–15 лет), не включенных в анализируемую выборку и отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в захоронениях детей [Гаврилова, 1965; Могильников и др., 1992]. Следует принимать во внимание сведения письменных источников, в которых сообщается о раннем взрослении представителей высших слоев общества. В рунических текстах имеется информация о том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрок [Тугушева, 2008, с. 44]. Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов [Там же, с. 58].

Подтверждение находим в материалах раскопок археологических комплексов, где известна серия захоронений молодых мужчин в возрасте 16–20 лет, отличающихся высоким положением в воинской иерархии [Могильников, 1997; Кубарев, 2005]. Что касается детей до подросткового возраста, то в письменных источниках о представителях данной группы практически нет упоминаний. Исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрок, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина [Бичурин, 1950, с. 220]. Это указывает на то, что в целом дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Появление новых археологических материалов, расширение серии антропологических определений, а также привлечение письменных и этнографических источников будет способствовать детализации представлений о специфике положения детей в обществе раннесредневековых тюрок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексин В.А.* Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3–9.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.
- Берсенева Н.А.* Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: Теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 107–110.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.
- Боброва А.И., Торощина Н.В.* Погребения детей в средневековых некрополях Бедеревский Бор I, II на р. Тым // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 423–428.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т.* Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 7–72.

Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона...

- Грязнов М.П., Худяков Ю.С.* Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.
- Длужневская Г.В.* Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 21. С. 193–200.
- Ковалевский С.А.* Погребения детей и подростков из ирменских курганных могильников Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. 17. С. 271–275.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Левашова В.П.* Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. № 24. С. 121–136.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С.* Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 81–86.
- Мишина Т.Н.* Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. 2010. № 224. С. 136–148.
- Могильников В.А.* Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А.* Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1997. С. 187–234.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н.* Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.
- Молодин В.И.* Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1984. С. 37–44.
- Нестеров С.П.* Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.
- Овчинникова Б.Б.* Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.
- Полищук Т. И.* Особенности детского погребального обряда в памятниках гунно-сарматского времени на Среднем Енисее // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 7–10.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.* Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Там же. С. 88–116.
- Ражев Д.И., Епимахов А.В.* Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестн. археологии, этнографии и антропологии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 107–113.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.* Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакассии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Семибратов В.П., Матренин С.С.* Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Серегин Н.Н.* Специфика детской погребальной обрядности населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V — XI вв.) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 151–153.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И.* Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
- Соловьев А.И.* Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуни // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 123–133.
- Стоянова А.А.* Детские погребения из могильника Опушки (по материалам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Трифонов Ю.И.* Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала // АО 1966. М.: Наука, 1967. С. 129–131.
- Трифонов Ю.И.* Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 174–176.
- Трифонов Ю.И.* Работы в Туве и Хакассии // АО 1974. М.: Наука, 1975. С. 236–238.

Н.Н. Серегин

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. — VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 59–68.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 112–130.

*Барнаул, Алтайский государственный университет
nikolay-seregin@mail.ru*

The article presents investigation results regarding specificity of children's burial rites which obtained a wide circulation with the Early Middle Ages Turks from Altai-and-Sayans region and the adjoining territories. Subject to determination being general and specific characteristics regarding burial places of the said age group, as well as their social differentiation following archaeological data. The conclusions obtained in the course of investigation of the burial complexes being supplemented with data from written sources.

Middle Ages Turks, Altai-and-Sayans region, children's burial places, burial rite, social analysis, written sources.